

— Аааааа...

Ван Сяошуай закричал, очнувшись, и увидел перед собой медсестру с гниющим лицом и кинжал Цзянь Хуая.

Он сопротивлялся обеими руками, с силой отталкивая от себя призрака.

Сопротивляясь, он попятился и случайно наткнулся на тёплое тело позади себя. Он инстинктивно повернулся и увидел, что его старший товарищ Фэн Юнсинь в шоке смотрит на него.

— Ааааа...— Ван Сяошуай продолжал кричать, хватая Фэн Юнсиня за талию и приговаривая: — Брат Фэн, ты тоже здесь! Беги!

— Бежать? О чём ты говоришь! — Фэн Юнсинь хлопнул Ван Сяошуая по лбу. — Тебе что, кошмар приснился? Посмотри на время! Уже 8 утра. Я уже на работе. Тебе нужно поспешить домой и отдохнуть. У тебя два выходных!

Фэн Юнсинь оттолкнул запаниковавшего Ван Сяошуая, снял пальто и переоделся в форму медбрата.

Ван Сяошуай открыл рот и

огляделся. Он понял, что сидит на кровати в комнате отдыха, в окно льётся солнечный свет; был уже следующий день.

Он поднял руку, чтобы потрогать своё лицо и тело, спрыгнул с кровати и подбежал к зеркалу. Он посмотрел налево и направо с выражением облегчения на лице:

— Я не умер! Я всё ещё жив! Я дожил до второго дня! Ха-ха-ха!

Увидев, что Ван Сяошуай ведёт себя как сумасшедший, Фэн Юнсинь прислонился к стене, с трудом сглотнул и сказал:

— Сяошуай, раз у тебя два выходных, почему бы тебе не сходить на консультацию в нашу больницу? Не стесняйся; современные люди испытывают сильное психологическое давление.

Обратиться за помощью не стыдно.

— Брат Фэн! Как давно ты работаешь в третьей больнице? Сколько у тебя было ночных смен? — Ван Сяошуай проигнорировал его предложение и вместо этого спросил сам.

— Я работаю уже около двух с половиной лет. Что касается ночных смен... обычно раз в пять дней, — Фэн Юнсинь посчитал на пальцах. — Это почти двести раз.

— Две сотни ночных смен, и ты ни разу не нарушил «три запрета»? Тебе никогда не было любопытно? — Ван Сяошуай взял свой телефон и указал на правила «трёх запретов», которые Фэн Юнсинь отправил ему вчера.

Фэн Юнсинь нахмурился, погружившись в раздумья:

— Я не очень хорошо помню... Не думаю, что это так. Кто бы стал бродить по ночам, когда можно поспать?

Сказав это, Фэн Юнсинь выкатил медицинскую тележку из комнаты отдыха, оставив Ван Сяошуая в одиночестве.

Нет-нет, это невозможно! Ван Сяошуай энергично покачал головой.

Во время обучения многие люди насмеялись над историями о привидениях. Убеждённые атеисты не поверили бы в такие страшилки. Такие правила, как «три запрета», даже не были прописаны в правилах больницы. Кто бы поверил в них после надлежащего обучения?

Было слишком маловероятно, что Фэн Юнсинь отработал двести ночных смен без каких-либо странных происшествий.

Ван Сяошуай расхаживал взад-вперёд по узкой комнате отдыха. Он хотел домой — не просто домой, а немедленно написать заявление об увольнении и больше никогда не возвращаться в третью больницу. В конце концов, жизнь важнее работы.

Но он не осмелился выйти из комнаты отдыха. Ван Сяошуай боялся, что ночь на самом деле не закончилась и что Фэн Юнсинь, которого он видел, был всего лишь иллюзией.

Только в 9 утра Фэн Юнсинь вернулся в комнату отдыха и с удивлением увидел Ван Сяошуая:

— Почему ты ещё здесь? Я закончил разносить лекарства.

— Я... — Ван Сяошуай замялся, не зная, как объяснить, что он сомневается в подлинности Фэн Юнсиня. Вместо этого он спросил: — Ты дал лекарство... Цзянь Хуаю? Он в своей комнате?

— Да, — кивнул Фэн Юнсинь.

— Было ли... что-то необычное? — Ван Сяошуай вспомнил кинжал Цзянь Хуая, который тот держал прошлой ночью, и почувствовал боль в запястье.

Фэн Юнсинь ответил:

— Необычные вещи... о, на нём не было больничной рубашки. Он сказал, что её стирают, и я скоро схожу в подсобку и найду ему новую.

Ван Сяошуай: "..."

Он быстро проверил дату на своём телефоне — 3 апреля. Да, вчера было 2 апреля; время действительно сдвинулось на день вперёд, и он не вернулся в прошлое.

Тогда... почему Цзянь Хуай не переделся в больничную робы?

Дневные работники были очень заняты. У Фэн Юнсиня не было времени поболтать с Ван Сяошуай. Он сделал глоток воды и вышел из комнаты отдыха, снова оставив Ван Сяошуая одного.

Остаться в этой маленькой комнате было не выходом. Будь то возвращение домой или подача заявления об увольнении, он должен был сначала покинуть это место!

Ван Сяошуай задержался ещё на десять минут. Солнечный свет снаружи немного успокоил его. Он набрался смелости, чтобы выйти из комнаты отдыха, и, увидев оживлённый коридор, заполненный сотрудниками, почувствовал лёгкое облегчение.

Ван Сяошуай знал, что ему нужно немедленно вернуться домой и никогда больше не приходиться в третью больницу, но в тот момент он не мог не вспомнить Цзянь Хуая, который вчера вечером затащил его в палату, и... Цзянь Хуая, которому в тот день всё ещё не хватало больничной формы.

Почему?

Ван Сяошуай стоял перед входом. Ещё один шаг, и он смог бы покинуть это ужасное место, но его ноги словно приросли к земле, и он не мог сделать этот шаг, что бы ни случилось.

Перед дверью толпились люди, и редко кто-то из них застывал на месте, как Ван Сяошуай.

Вошли несколько врачей в белых халатах. Первый из них был ростом около 185 см, и Ван Сяошуай почувствовал его присутствие. Из-за его высокого роста белый халат выглядел так, будто был предназначен для показа на подиуме. Две пуговицы на его халате были расстегнуты, открывая чёрную облегающую рубашку под ним. Хотя он был врачом, от него исходила аура бойца спецназа.

Он прошёл мимо Ван Сяошуая, который услышал, как интерн сказал:

— Доктор Ши, этот пациент принимает...

Ши? Ван Сяошуай внезапно повернул голову. Да, он видел это лицо в представлении главного врача амбулаторного отделения. Имя под этим лицом было Ши Чанфэн!

Врач, который был с ним в ночную смену прошлой ночью!

Ван Сяошуай подбежал к группе врачей, схватил Ши Чанфэна за рукав и, запинаясь, спросил:

— Доктор Ши, разве вы не работали вчера в ночную смену? Почему вы не отдыхаете сегодня?

Ши Чанфэн повернулся к Ван Сяошуай и произнёс глубоким и звучным голосом:

— Сегодня я поменялся сменами с коллегой. Кто вы?

— Я Ван Сяошуай, новый медбрат. Вчера была моя первая ночная смена. Доктор Ши, вы не сталкивались... ни с чем странным прошлой ночью? — Ван Сяошуай крепко вцепился в рукав Ши Чанфэна, словно пытаясь набраться у него смелости.

— Помимо врачей отделения неотложной помощи, дежурные врачи в других отделениях могут спать. Однако они должны быть наготове 24 часа в сутки и держать свои телефоны включёнными. Простой ночью кнопки вызова не срабатывали, и никто мне не звонил. Я проспал до рассвета. Почему вы спрашиваете? У пациента прошлой ночью была тяжёлая реакция? — спросил Ши Чанфэн, ничего не раскрывая.

Лжец! В полночь все кнопки вызова сработали одновременно; как он мог их не услышать... Ван Сяошуай покачал головой, отпуская рукав Ши Чанфэна, и хриплым голосом произнёс:

— Нет, я тоже ничего не слышал.

— Если у вас возникнут какие-либо проблемы, вы можете найти меня во время обеденного перерыва после обхода, — любезно сказал Ши Чанфэн, не обращая внимания на беспокойство Ван Сяошуая.

Его голос был полон тепла, и от этого становилось очень спокойно.

Сказав это, Ши Чанфэн повёл других врачей на обход, начиная с первого этажа. Ван Сяошуай смотрел им вслед, чувствуя холод в сердце.

Неужели всё, что он пережил прошлой ночью, было иллюзией? Неужели он был единственным, кто видел эти странные события?

Ван Сяошуай стоял у входа, его мысли были в смятении.

Нет, был ещё один человек — тот, кто спас его прошлой ночью.

Ван Сяошуай не вышел за дверь, а вместо этого поспешил наверх. Он не осмелился воспользоваться лифтом, опасаясь, что снова столкнётся с чем-то неожиданным. Он взбежал на четвёртый этаж, толкнул дверь палаты Цзянь Хуая и увидел, что тот всё ещё был в той же белой рубашке, что и вчера, держал в руках книгу и смотрел на Ван Сяошуая, который ворвался в палату.

Цзянь Хуай казался послушным и мягким.

Несмотря на то, что он был выше Ван Сяошуая, его юное лицо и слегка растерянное выражение делали его хрупким, как фарфоровую куклу, которую можно разбить, просто сжав его тонкое запястье.

Ван Сяошуай плотно закрыл дверь и подошёл к Цзянь Хуаю, спросив с последней надеждой:

— Ты ведь видел это прошлой ночью, да? Ту медсестру?

— Хм? — Цзянь Хуай, откинув назад короткие взъерошенные волосы, в замешательстве ответил: — Вчера вечером? Кажется, я лёг спать очень рано. Что-то случилось?

— Мне действительно нужно обратиться за лечением? — Ван Сяошуай сделал несколько шагов назад, оглядывая Цзянь Хуая с ног до головы. Увидев одежду Цзянь Хуая, он вдруг спросил: — Почему ты не в больничной одежде? Я же вчера принёс тебе новую.

После того, как прошлой ночью Цзянь Хуай порезал запястье медсестры, Ван Сяошуай обратил особое внимание на запястье Цзянь Хуая. Он сосредоточился на плотно застегнутых рукавах Цзянь Хуая и через несколько секунд увидел, как Цзянь Хуай инстинктивно прикрыл левое запястье правой рукой.

— Этот был немного великоват и плохо сидел, — послушно сказал Цзянь Хуай. — Медбрат, который принёс лекарства сегодня утром, сказал, что найдёт мне новый.

Ван Сяошуай спросил:

— А как насчёт того, что я дал вчера? Если оно тебе не подходит, я могу вернуть его в склад, чтобы другие пациенты могли им воспользоваться.

Пока он говорил, он не сводил глаз с запястья Цзянь Хуая.

Почему всякий раз, когда он смотрел на запястье, Цзянь Хуай подсознательно прикрывал его правой рукой?

Ван Сяошуай, не отрывая взгляда от запястья Цзянь Хуая, не заметил, как послушный Цзянь Хуай стал серьёзным, а его голос слегка похолодел:

— Я не хочу этого. Даже если это мне не подойдёт, я не хочу отдавать кому-то свою поношенную одежду. Просто прибавь это к моим расходам на больницу.

— У тебя такие узкие рукава, не стоит расслабляться, — почти машинально сказал Ван Сяошуай. — Даже если на тебе не больничная рубашка, следует убедиться, что твоя одежда свободная и удобная. Позволь мне помочь расстегнуть манжеты.

Он медленно подошёл к Цзянь Хуаю и увидел, что тот невинно улыбается. В мгновение ока Цзянь Хуай оказался перед Ван Сяошуаем и приставил кинжал к его шее.

— Ты напрашиваешься на смерть, — Цзянь Хуай стиснул зубы, произнося каждое слово нарочито медленно.

Ван Сяошуай обнаружил, что к его сонной артерии прижат нож. Он должен был испугаться, но, когда он увидел, что Цзянь Хуай вытаскивает кинжал из рукава, он почувствовал необъяснимое облегчение.

— У тебя действительно есть нож! Это здорово! — взволнованно запинаясь, воскликнул Ван Сяошуай. — То, что случилось прошлой ночью, было по-настоящему, да? Я думал, что схожу с ума! Ух ты...

Он был так тронут, что расплакался.

Цзянь Хуай на мгновение серьёзно посмотрел на него, затем убрал кинжал в ножны и холодно сказал:

— Убирайся.

Ван Сяошуай не собирался уходить. По сравнению с этими бестолковыми медработниками, Цзянь Хуай, пациент с шизофренией, сидевший прямо перед ним, вызывал у него больше доверия.

— Что на самом деле произошло прошлой ночью? В третьей больнице такое происходит

каждую ночь? Я один это видел? Почему ты совсем не удивлён? Что ты сделал со мной прошлой ночью? Почему я проснулся в комнате отдыха? Что именно входит в «три запрета»...

— Заткнись! — Цзянь Хуай схватил Ван Сяошуаю за затылок и прижал его лицом к столу, прекращая его бесконечные вопросы.

Ван Сяошуай больно ударился носом о стол, и по его лицу градом потекли слёзы, но он продолжал спрашивать:

— Как ты можешь быть таким сильным?

Цзянь Хуай выглядел как хрупкий пациент, но одним ударом мог отрубить медсестре запястье. Каждый раз, когда он вставал перед Ван Сяошуаю, это происходило так быстро, что тот не успевал среагировать.

Его взрывная сила была совершенно несоразмерна его хрупкому телосложению.

Увидев, что Ван Сяошуай продолжает расспрашивать, Цзянь Хуай вдруг вздохнул:

— Просто иди домой.

Все продолжали говорить ему, чтобы он шёл домой, но Ван Сяошуай только сильнее бунтовал.

— Как я могу спокойно пойти домой после всего, что случилось?

Он хотел копнуть глубже, но Цзянь Хуай прикрыл ему рот рукой.

Цзянь Хуай внимательно прислушался к тому, что происходит за дверью, и внезапно побледнел. Он сказал:

— Слишком поздно!

С этими словами Цзянь Хуай открыл шкаф и быстро затолкал Ван Сяошуаю внутрь, приложив палец к губам, чтобы тот молчал.

Затем Ван Сяошуай увидел, как Цзянь Хуай ловко повернул кинжал в своей руке, и тот мгновенно исчез в его рукаве.

Цзянь Хуай закрыл дверцу шкафа и быстро вернулся за свой стол, притворяясь, что читает. В этот момент дверь распахнулась, и вошёл мужчина средних лет, похожий на него примерно на пятьдесят процентов, с фруктами в руках. Мужчина мягко сказал:

— Сяо Хуай, я пришёл к тебе.

— Профессор Цзянь, — холодно поздоровался Цзянь Хуай.

На лице профессора Цзяня отразилось лёгкое разочарование, когда он положил фрукты на стол и несколько удручённо спросил:

— Ты всё ещё не называешь меня папой?

« Это отец Цзянь Хуая? Тогда почему он засунул меня в шкаф? » — недоумённо подумал Ван Сяошуай. — « Я медбрат, для меня нормально находиться в палате пациента. Зачем он меня прячет? »

Цзянь Хуай промолчал, и голос профессора Цзяня быстро стал успокаивающим, когда он погладил Цзянь Хуая по мягким волосам:

— Я знаю, что ты чувствуешь себя недостойным быть моим сыном, но всё в порядке. Папа будет терпеливо ждать тебя. В конце концов, у тебя всегда была привычка разрушать то, что ты любишь, поэтому ты не хочешь сблизиться со мной, верно?

Ван Сяошуай был ошеломлён.

Неужели отец должен говорить такое своему сыну, страдающему шизофренией?

Цзянь Хуай не ответил. В комнате звучал только голос профессора Цзяня:

— Я принёс твою любимую клубнику и помидоры. Я пойду помою их.

Услышав шуршание пластиковых пакетов, профессор Цзянь воскликнул:

— О, я так спешил, что клубника помялась и перемешалась, выглядит немного жутковато. Но на вкус она должна быть такой же, как целая клубника. Хочешь ещё?

— Если они испортились, выбрось их, — спокойно сказал Цзянь Хуай.

— О, ты так долго лежал в больнице, что я почти забыл. Как бы тебе что-то ни нравилось, если оно испортилось, ты без колебаний выбросишь его, — сказал профессор Цзянь.

Он выбросил раздавленную клубнику и помидоры в мусорное ведро. Яркий солнечный свет, проникающий в палату через окно, на мгновение ослепил его.

— В этой палате отличное освещение. Здесь так светло, что тебе, должно быть, некомфортно, верно?

Почему хорошее освещение может быть некомфортным?

Вопросы медленно закладывались в сердце Ван Сяошуая. Он прикрыл рот рукой, боясь, что его дыхание будет слишком громким и привлечёт профессора Цзяня.

Был явно день, и профессор Цзянь был человеком, так почему же он чувствовал себя ещё более напуганным, чем прошлой ночью? Сердце Ван Сяошуая бешено колотилось; он прижал одну руку ко рту, а другую — к груди, чувствуя, что вот-вот задохнётся от напряжения.

— Тебе никогда не нравились светлые помещения. Я специально расчистил подвал, чтобы ты мог там жить, — профессор Цзянь сел рядом с Цзянь Хуаем, взял его за руку и с глубокой нежностью произнёс: — Я постараюсь выполнить все твои просьбы. Сяо Хуай, когда ты уже будешь называть меня папой?

— Держись от меня подальше, — сказал Цзянь Хуай, и в его голосе послышалась едва заметная дрожь.

Профессор Цзянь проигнорировал его отказ:

— У тебя такие холодные руки, как у змей, которых ты держал в подвале, когда был маленьким. Сяо Хуай, я помню, что в детстве ты любил змей. Должно быть, тебе тяжело так долго находиться в больнице без домашних животных. Ничего, если я тайно привезу тебе одну или двух?

— Проваливай, — медленно произнес Цзянь Хуай.

Профессор Цзянь печально вздохнул:

— Как один из лучших психиатров в стране, я не могу вылечить даже собственного сына. Я действительно... бесполезен!

Член Академии? Ван Сяошуай вспомнил, что во время обучения преподаватель упомянул, что ведущей фигурой в области психического здоровья в стране является Цзянь Бохань, который получил пожизненную почётную степень «академика» в области психологии. Его самым выдающимся вкладом было лечение пациентов с помощью психологического внушения и вмешательства, которое показало замечательные результаты и в настоящее время внедряется в больницах.

Как мог такой академик не знать, что только что сказанные им слова были губительны для его сына, который уже страдал психическим заболеванием?

«Дин-лин...» Внезапный звонок напугал Ван Сяошуая. Он быстро посмотрел на экран и увидел, что звонит его телефон; это была его мать.

— Что это за звук? Телефон? С тех пор, как ты попал в больницу, кроме меня, с тобой никто не связывался. У тебя появился новый друг? — спросил профессор Цзянь.

Он пошёл на звук и посмотрел в сторону шкафа, где прятался Ван Сяошуай.

Что делать? Что делать? Ван Сяошуай так разволновался, что чуть не расплакался.

Отключить телефон или оставить его звонить?

Профессор Цзянь встал, подошел к шкафу и потянулся к дверце.

В этот момент Цзянь Хуай внезапно сказал:

— Это мой телефон. Я взял его из шкафчика медбрата. Не трогай его, на нём останутся отпечатки пальцев.

— О? — рассмеялся профессор Цзянь. — Ты делаешь что-то бунтарское?

— Да, — Цзянь Хуай повернул голову и посмотрел прямо на отца. Он улыбнулся так же, как профессор Цзянь. — Я вдруг захотел попробовать себя в воровстве; это довольно забавно. Как думаешь, что будет, если я отправлю его семье сообщение, похожее на прощальную записку, с его телефона?

— Это просто шутка; семья скоро всё поймёт, — сказал профессор Цзянь, отходя от шкафа. — Но если бы он действительно исчез, это была бы совсем другая история.

— Да, — ответил Цзянь Хуай.

Отец и сын обменялись взглядами, затем разразились искренним смехом.

Ван Сяошуай почувствовал приступ тошноты; он был близок к тому, чтобы потерять самообладание.

Как раз в этот момент раздался стук в дверь.

Цзянь Хуай слегка удивился.

Кто-то действительно постучал, прежде чем войти в палату; все остальные просто распахнули бы дверь.

Дверь открылась, и вошёл Ши Чанфэн с несколькими врачами:

— Цзянь Хуай, пора пройти обследование.

— Профессор Цзянь, вы тоже здесь? — спросил Ши Чанфэн.

— Я пришёл навестить Сяо Хуая, — в голосе профессора Цзяня не было никаких эмоций. — Прошло всего два дня с моего последнего визита, а лечащий врач Цзянь Хуая уже сменился? Кажется, никто не сообщил мне, члену семьи.

— Я только что взял это дело на себя, меня зовут Ши Чанфэн, — Ши Чанфэн дружелюбно протянул руку профессору Цзяню.

Услышав его слова, Ван Сяошуай почувствовал, что вернулся к жизни.

<http://bllate.org/book/13781/1216444>